

Клинические аспекты здоровья

П. С. ГУРЕВИЧ

(ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН, МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В статье рассматривается здоровье как социальный и антропологический феномен. Анализируются различные культурно обусловленные представления о здоровье и целительстве. Выдвигается положение о целостности человека. Устанавливаются критерии здоровья, отмечается их условность. Проводится мысль о связи болезни и страдания.

Ключевые слова: человек, здоровье, болезнь, культура, целостность человека, страдание, природа, философия.

The Clinical Aspects of Health

P. S. GUREVICH

(THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

Abstract: the article deals with health as a social and anthropological phenomenon. Various culturally determined interpretations of health and healing are analysed. The idea of the integrity of man is substantiated. The criteria of health are established and their conditional character is pointed out. The relationship between illness and suffering is discussed.

Keywords: man, health, illness, culture, integrity of man, suffering, nature, philosophy.

Путь к клиническим аспектам здоровья и скор, и долог. Можно приступить к врачеванию, обладая минимальными представлениями о человеческом организме. Однако не исключено и иное — есть соблазн увязнуть в паутине метафизических вопросов, которые поставят саму проблему целительства в ряд досужих занятий. В. М. Розин справедливо отмечает, что здоровье и болезнь часто определяются относительно друг друга (Розин, 2000: 3). Действительно, о здоровье как социальной проблеме заговорили только тогда, когда обнаружили различные заболевания.

Можно ли добиваться выздоровления, не имея ясных демаркаций между тем, что называется нормой, а что патологией? И тут возникло множество теоретических проблем, которые требуют осмысления. В. М. Розин подчеркивает, что индивидуальный идеал здоровья может расходиться с социальной нормой, причем в обе стороны. Человек может считать себя нездоровым в тех случа-

ях, когда общество уверено в его здоровье, и, наоборот, думать, что он здоров, когда общество относит его в разряд больных. Специально искалеченные дети у В. Гюго отлично подходили для социальной роли комедиантов. С другой стороны, Гамлета, который пытается восстановить связь времен, объявляют безумцем...

Раскрывая эту тему, некоторые исследователи приходят к убеждению, что здоровье имеет множество эталонов. Борис Годунов у Пушкина не жалуется на здоровье, но его терзают душевные муки, «когтистый зверь» рождает болезненное состояние. Психиатры XIX века считали, что шизофрения не является уделом тех, кто живет в ладу со своей совестью. Однако сегодня нам известно, что внутриспихический конфликт огромной силы может сбить с ног и нравственного человека. Духовное пробуждение Квазимодо, одаренного страшной физической силой, заставляет его страдать от собственной глухоты и безобразия.

* Гуревич Павел Семенович — заведующий сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, руководитель Лаборатории личностного роста Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор. Тел. (495) 203-96-96.

Но если человек болен, то, оказывается, путь к здоровью тоже зависит от множества социальных представлений. Древние полагали, что всякое исцеление начинается с приведения в порядок душевных состояний. Именно так поступали шаманы, античные мисты. Даже в эпоху Средневековья выздоровление связывали с изгнанием беса. Но вот в эпоху Возрождения было получено наконец право на аутопсию трупов. Медики разглядели внутренние органы человека. Так постепенно в медицине рождалась новая тенденция. Открытие клетки и ряд других научных достижений привели к тому, что здоровье стали связывать прежде всего с телесностью. Человек все чаще теперь ассоциируется с неким агрегатом, в котором прослеживаются различные связи между органами. Лечат отныне даже не организм в целом, а отдельные его органы, которые, по мнению врачей или больных, нуждаются в терапии.

Итак, в чем трудность проблемы? Идеал здоровья связан прежде всего сегодня с физическим состоянием тела. В Толковом словаре отмечено, что «здоровье — это нормальное состояние правильно функционирующего, неповрежденного организма». Однако грань между нормой и патологией крайне зыбкая. В физиологическом смысле медицина бессильна определить содержание нормы, будь это содержание сахара в крови или кровяное давление. Но человек — не только физическое тело. Он обладает также душой и духом, является социальным существом. Здоровье является естественным феноменом, поскольку нет такой культуры, которая считала бы здоровым человека без рук, ног или прокаженного. В то же время здоровье — феномен социальный. В Античности можно считать здоровым человеком хорошо натренированного атлета, поскольку в эту эпоху существует культ тела. В средневековой культуре статус здорового человека может получить чахлый, истощенный аскет, культивирующий состояние души.

Все эти парадоксы можно нанизывать бесконечно. Многообразие эталонов здоро-

вья позволило некоторым исследователям считать здоровье социальным артефактом, неразрывно связанным с социальными (медицинскими) технологиями (В. М. Розин).

Однако можно ли принять данную точку зрения? Каким бы путем ни осуществлялось движение к здоровью, речь все-таки идет о человеке как природном создании. В наши дни человека часто оценивают по меркам машины. Современная медицина исходит из постулата, вполне уместного для технического общества: чтобы человек мог функционировать, надо отлаживать различные части его организма. Это очень похоже на техосмотр с последующей коррекцией или заменой отдельных органов, будь то сердце, почки, грудь. Кажется, нет такого органа, который не подлежит замене. Невольно возникает вопрос: а что в человеке «собственно человеческого», что нельзя заменить без риска обрушить человеческую природу?

На это нам могут возразить: «человеческая природа» — тоже артефакт, в каждую эпоху возникают разные представления о том, что это такое. Однако методологически такие рассуждения небезупречны. Искусство или культура тоже имеют разные определения, но никто не сомневается в том, что такие феномены существуют. Человеческая природа — некая онтологическая реальность, представления о которой постоянно меняются, уточняются. Как бы ни совершенствовались воззрения на человеческое здоровье, все равно есть различие между тем, как лечить человека, и тем, как подправить машину.

Разумеется, можно понять здоровье через социальное конструирование этого понятия, тем не менее точнее видеть в феномене здоровья парадоксальное сочетание идей «естественности» и «артефакта» (П. Д. Тищенко). Отмечается также экзистенциальный смысл понятия здоровья: каждая эпоха вопрос о природе болезни и сущности здоровья, который каждая эпоха ставит в своей специфической форме, объединяет совокупность обыденных и профессиональных, коллективных и индивидуальных практик. Однако

это вовсе не означает, будто каждый раз изобретается исторически специфическая «природа» человека. В болезни как фундаментальной экзистенциальной угрозе человек обращен к своим началам.

Теперь позволим себе немного фантазии. К Розину обращается пациент, который жалуется на свое здоровье. Выслушав больного, терапевт начинает рассуждать о том, что здоровье вообще — социальный артефакт, что существует множество целительных практик, а человеческая природа — в известной степени фикция. Пациент постепенно проникается мыслью о том, насколько бессмыслен его запрос, и отправляется в библиотеку, чтобы поглубже ознакомиться с трудами названного философа.

Как все же, говоря серьезно, можно перевести теоретические рассуждения в клинический аспект? Здесь, вероятно, нам помогут некоторые соображения о целостной природе человека. Многие исследователи пишут сегодня о том, что человека нужно понимать как целостность. Однако ни один объект нельзя оценивать как целостный или как фрагментарный. На самом деле существуют отдельные целостности, которые можно рассматривать как фрагмент иной, более развернутой целостности. Мыслимое целое — это только схема некоей идеи, которой мы оперируем. Почему человек как целое не становится для нас объектом исследования? Всякая попытка создать целостную схему человека обречена на неудачу.

В той мере, в какой схема соответствует истине, она непременно проявляет свой частный, не всеобъемлющий характер и указывает на очередной способ расчленения «человеческого». Целостность человека — это не данность, а некий идеал, движущий мотив прорыва к бытию. Человек принципиально нецелостен, его бытие разорвано, полно коллизий. Однако у человека есть общая возможность обрести полноту собственного существования. Целостность оказывается для человека проблемой, вечным устремлением, частным достижением гармонии. Человек может оставаться фрагментарным, од-

номерным, принципиально разорванным. Но он же способен раскрыть безграничный потенциал человеческого бытия. Целостность — не граница, а горизонт.

Человек целостен на уровне собственного физического тела. Когда мы рассматриваем скульптуру Венеры Милосской, мы понимаем, что этой женской фигуре не хватает рук. У нас есть целостное представление о человеческом организме. Вот почему, если пациент рассказывает нам о том, что у него болит сердце, мы вполне осознанно можем отвлечься от идеи многообразия медицинских технологий. Врач оказывает ему помощь, обращаясь к тем арсеналам, которые есть в данной культуре: лекарства, здоровый образ жизни, физические нагрузки.

Но при этом клиницист осознает, что данная частная целостность является фрагментом иной, более развернутой системы. Человека можно рассматривать как единство тела и души. Если пациент рассказывает о том, что он испытывает комплекс неполноценности, что его часто посещает депрессия, что он ощущает себя одиноким человеком, то здесь вряд ли сходятся те средства, которые уместны, когда мы имеем в виду физический организм. Здесь не обойтись без других технологий, внутри которых можно выстраивать ранее названные сложности: может ли считать себя здоровым человек, если он телесно благополучен, а психически, душевно уязвим?

Теперь вообразим еще одну ситуацию. Пациент, обращаясь к клиницисту, говорит: «У меня умерла жена, и моя жизнь утратила смысл. Я едва нахожу силы, чтобы утром поднять себя с постели. Мое существование стало мучительным, лишенным какого бы то ни было значения. Мне хотелось бы спросить вас, доктор, а в чем смысл жизни?» Понятное дело, здесь мы сталкиваемся уже с проблемами человеческого духа. Прежние целостности оказались в данном случае частными фрагментами иной, более содержательной, системы. Здесь можно также обдумывать те парадоксы, о которых шла речь ранее: может ли считать себя здоровым че-

ловек, который, сохраняя телесное и психическое равновесие, утратил метафизические основания своей жизни?

Стало быть, могут объявиться разные представления о человеческой природе (человек — это пластичное, способное к преобразованиям тело; человек — это создание, наделенное совестью, богатым внутренним миром; человек — это единственное в мире существо, которое способно устремляться к высотам духа). Однако при этом остается неизменной общая экзистенциальная ситуация, определяющая человеческую природу: человек — это такое существо, которое равно принадлежит природе и обществу. Э. Фромм, обращаясь к проблеме целостности человека, отмечает, что всем людям свойственны одни и те же основные антропологические и физиологические черты, и каждый врач понимает, что любого человека, вне зависимости от расы и цвета кожи, он мог бы лечить теми же способами, какие он применяет к человеку своей расы. Но имеет ли человек столь же общую психическую организацию? А если бы все люди отличались в своей психической и духовной основе, как бы могли говорить о человечестве в более широком смысле, нежели физиологическом или анатомическом? Как бы мы могли понять искусство совершенно иных культур, их мифы, драму, скульптуру?

«Человеческую природу» нельзя оценивать как социальный артефакт, несмотря на обилие различных философских толкований этой проблемы. Э. Фромм предложил принципиально новый подход к характеристике человека: не стоит приискивать все новые и новые признаки, которые будто бы выражают человеческую природу. Определять человека можно только экзистенциально, т. е. через способ его существования.

Человек остается частью природы, он неотторжим от нее. Но теперь он понимает, что «заброшен» в мир в случайном месте и времени, осознает свою беспомощность, ограниченность своего существования. Над ним тяготеет своего рода проклятие. Человек никогда не освободится от собственных

мыслей и чувств, которые пронизывают все его существо. Человек — это единственное животное, для которого собственное существование является проблемой. Он не может никуда уйти, он должен решить ее.

Человек — это существо, которое не имеет своей ниши. Однако это не признак, а противоречие нашего бытия. Все, что есть в человеке, как бы отрицает само себя. Он наделен инстинктами, но они не выполняют роль безотказных стимуляторов поведения. Человек властвует над природой и в то же время оказывается ее «дезертиром». Он обладает фиксированными признаками, но они двусмысленны, поскольку ускользают от окончательных определений. Человек имеет трагическое представление о способах своего существования и в то же время заново, в каждом индивиде, т. е. в себе самом, открывает эту истину. «Человеческое существование, — пишет Э. Фромм, — вопрошает. Человек заброшен в этот мир не по своей воле и уходит от него опять же вопреки своему желанию... Он находится в природе и тем не менее выходит за пределы природы, он осознает самого себя, и это осознание самого себя как изолированной сущности вызывает у него чувство невыносимого одиночества, потерянности, бессилия» (Фромм, 1994: 20–21).

Подведем предварительные итоги. Ни человеческая природа, ни здоровье, ни болезнь не являются лишь социальным артефактом. Нам не обязательно блуждать в лабиринтах парадоксов, чтобы подойти к клиническим аспектам здоровья. Социальные представления о здоровье многообразны, но они поддаются метафизической аранжировке и позволяют вести терапевтическую практику в строго обусловленных рамках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Розин, В. М. (2000) Здоровье как философская и социально-психологическая проблема // Мир психологии : научно-методический журнал. №1.

Фромм, Э. (1994) Что такое дзэн? Львов : Инициатива.

(Продолжение следует)